

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А94

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Драгоценный век»

Оформление — *В. Половцев*

Афанасьева, Е.
А94 Театр тающих теней. Словами гения: [роман] / Елена
Афанасьева. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 352 с. —
(Драгоценный век.)

ISBN 978-5-17-163731-6

Убийство в элитном жилом комплексе с пугающим названием «Барракуда», расследование которого приводит к старым, спрятанным в глубине семидесятых годов XX века тайнам. Булящая перестроечная Москва и драма в личной жизни юной журналистки Татьяны. Португалия времен Салазара и потрясающей Революции гвоздик с ее загадками и неожиданными трагедиями... Все это и многое другое в долгожданной заключительной книге трилогии Елены Афанасьевой «Театр тающих теней»!

А еще — интервью Гения, которое даст ответы на все вопросы и раскроет все тайны и этой, и двух первых книг романа. Но кто же этот Гений?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-163731-6

© Е.И. Афанасьева, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Третья книга романа «Театр тающих теней», дорогой читатель, начнется не там, где я оставила вас в конце второй книги.

Теперь вас ждут уже не взбаламученный Гражданской войной Крым, не Делфт времен расцвета малых голландцев и не интриги при дворе Габсбургов, а бурлящая перестроечная Москва, Португалия времен Салазара и Революции гвоздик и таинственное убийство в элитном жилом комплексе с пугающим названием «Барракуда».

*И интервью Геня, которое расставит все точки над *i* и даст ответы на все вопросы.*

Очень надеюсь, что и новые герои не оставят вас равнодушными, и герои первых двух книг вернуться в самый нужный момент.

Ваша Е.А

УБИЙСТВО В «БАРРАКУДЕ»

Сценаристка

Португалия. Алгарве. Недавно

Распластанное в бассейне тело напоминает крест.

Женское тело. Лицом вниз.

В бассейне элитного жилого комплекса «Барракуда». На берегу океана в Алгарве. В Португалии.

Где я сняла апартаменты на пару недель. Вырваться из суеты, оставить в покое сыновей, которым летний лагерь под относительным присмотром отца уже интереснее, чем пляжный отдых с мамой, в кои веки провести время с дочкой, которая неожиданно сама вызвалась приехать. И просто писать. В тишине. До сентября и сценарий, и роман нужно сдать...

За пять минут ДО консьержка Мануэла гостеприимно встречает меня около ворот. Запускает мою арендованную машину на аллею апельсиновых деревьев, ведущую к главному входу, рядом с которым на постоянных парковочных местах жильцов этого комплекса одно авто дороже другого. Бедные в «Барракуде» не живут. Мой «Мини Купер» единственный со значками аренды на лобовом стекле. Здешние жильцы ездят на собственных дорогих машинах, между которыми теперь томно прохаживается холеный черный кот с белыми лапками и белым треугольничком вокруг рта.

— Маркус — общий любимец, — комментирует Мануэла, жестом приглашая пройти. — Это наш главный вход. Рядом с бассейном и зоной вилл есть калитка, ведущая к пляжу. От нее вот этот брелок. Иногда заедает, дергайте сильнее.

За три минуты ДО по пути на верхний этаж Мануэла успевает рассказать, что частное жилье в таком роскошном месте на берегу океана возводить запрещено и что разрешение на строительство было дано для пятизвездочного отеля с основным зданием и виллами и якобы под отель все и строилось.

— Поговаривают, что наш хозяин «по смешной цене» продал некоторые апартаменты и виллы «нужным людям», а те помогли решить все проблемы, — с порога выдает местные тайны консьержка. — Так вместо отеля оказался «приват хаус». На оставшиеся апартаменты и виллы сразу выстроилась очередь. И не только португальцев, но и британцев, голландцев, американцев и... разумеется, ваших русских! Но у нас очень строгий отбор жильцов!

Двери лифта открываются на нужном этаже, и говорливая дама жестом предлагает мне пройти вперед, в традиционный для южных строений коридор-галерею, вдоль одной стены которого двери в апартаменты, а вторая стена отсутствует — коридор как открытый балкон.

— На нуворишей разных мастей мы, уж простите, посмотрелись! — не умолкает Мануэла. — Проблем с ними не оберешься! Но с вашими друзьями мы до сих пор лично не знакомы. Только по электронной почте.

— Друзьями? — не понимаю я.

— Друзьями! — подтверждает Мануэла. — Владельцами апартаментов, в которых вы будете жить.

— С владельцами мы не друзья и даже не знакомы. Мне нужно было уехать в тишине поработать, муж увидел интересное предложение об аренде, списались с владельцами, и все сложилось.

— Да, русские у нас не частые гости. Хотя русский *oligarkh* купил пентхаус — весь *Extra Level*, почти восемьсот квадратных метров, но за все годы ни разу его самого не видела. Из вашей Москвы не налетаешься, зачем, спрашивается, было покупать?!

Миниатюрная деловитая женщина продолжает мониторить чужие деньги и чужие намерения. И вряд ли стоит ее расстраивать уточнениями, что восемьсот квадратов в общем жилом комплексе для русского олигарха мелковато и что их жилец, скорее, какой-то чиновник или средней руки бизнесмен, и только.

— В блоке «В» на третьем этаже англичане, семья отставного адмирала, на втором голландцы, там же в блоке «А» американка сегодня должна приехать, — не умолкая вводит меня в курс здешней жизни Мануэла.

За две минуты ДО консьержка открывает дверь арендованной мною квартиры, протягивает мне ключ, я машинально прикрепляю его на свою связку с брело-

ком-волчонком и кладу в карман. Консьержка гостеприимно приглашает войти, попутно инструктируя меня по всем вопросам одновременно: вот вам пульт, открывающий тяжелые металлические ставни, их обычно опускают, когда не живут, но и от солнца тоже можно, а это встроенный пылесос, у которого в наличии только труба с насадкой и длиннющий шланг, а все остальное прячется где-то в недрах умного дома, а на сушилке сэкономили, слива, увы, нет, придется самой сливать этот бачок...

За минуту ДО «мажордомша» распахивает шторы, раздвигает стеклянные двери и решительно заявляет, что я счастливица:

— Приехали ровно в час заката! Кто видел закат в Алгарве, тот считал послание Господа!

С этой тирадой Мануэла выходит на широкий балкон. Обводит рукой всю панораму сочной зелени деревьев, пронзительно-синего океана и невероятного одновременно пурпурного, песочного, иссиня-синего и светлого, почти прозрачного неба. Опускает руку ниже, намереваясь рассказать о прелестях просторного бассейна на первом уровне...

...и истошно кричит.

Похоже, с рассуждениями о посланиях Господа придется повременить. Если это и послание, то весьма неоднозначное.

Подавшись вперед, смотрю, что же так напугало консьержку.

Внизу в четком голубоватом свечении бассейна плавает тело. Лицом вниз. Женское тело. В коктейльном платье. Руки в стороны крестом.

Представить, что кто-то из изрядно выпивших жильцов или гостей «Барракуды» в полной вечерней амуниции нырнул в бассейн и решил на спор задержать дыхание, сложновато. Логичнее предположить, что купальщица мертва.

— Звоните в полицию! — Растерявшуюся Мануэлу приходится трясти за плечи, чтобы привести в себя. — Звоните! И нужно спуститься, посмотреть, вдруг еще чем-то можем помочь.

Пока бежим по длинному коридору-балкону, спускаемся в лифте, идем к бассейну, консьержка лопочет по телефону, что-то объясняя полиции. Кроме *Barracuda*, *mulher* и *morta** ничего не понимаю, но можно догадаться, о чем речь.

* «Барракуда», женщина, мертвая (*порт.*)

Мануэла возмущается на родном языке, попутно выдавая комментарии для меня на своем португальском английском.

— Говорят, они не та полиция! Они *PSP* — *Policia de Segurança Pública* — «Общественная безопасность полиция», — неуклюже переводит на английский Мануэла, — а на убийство вызывать нужно *PJ* — *Policia Judiciária* — судебную полицию. Откуда же нам знать, убийство или сама утонула?! Или еще жива...

Выбегаем к бассейну. Мануэла не выпускает из рук телефона, продолжает ругаться с правильной и неправильной полицией. Приходится мне как есть, в шортах и футболке — купальника на мне нет, только телефон на край бортика положить, по ступенькам спуститься в бассейн. Подплыть к распластанному телу, нащупать вену рядом с бархоткой на шее, зажать ее пальцем. И, повернувшись к Мануэле, покачать головой.

— *Morta!* — восклицает та, и продолжает лепетать в телефон.

Подплываю к лестнице, выхожу, отжимая волосы, оглядываюсь по сторонам в поисках полотенца. И пока консьержка все еще разговаривает с полицией, объясняя, как быстрее доехать до «Барракуды», издали рассматриваю тело.

— Женщина. Судя по корочкам на локтях, уже не юная. Хотя тело подтянутое.

— Это американка из блока «А». — Мануэла успевает разговаривать и с полицией, и со мной. — Вчера звонила, говорила, что должна прилететь, просила подготовить апартаменты. У нее свой брелок от ворот, DHL ей все ключи отправляла, я не заметила, как она приехала. Может, все ж еще жива?!

Отрицательно качаю головой. И вижу, что началось движение: кто-то из жильцов заметил произошедшее со своих балконов, машут руками, кричат, о чем-то спрашивают Мануэлу, на что та отвечает понятным мне словом *morta*. Кто-то уже на лестнице — пролеты двух открытых лестниц между тремя блоками жилого комплекса просматриваются насквозь, по ним уже бегут люди. Аншлаг этому печальному представлению обеспечен.

— Собиралась на свидание, ждала кого-то, кто за ней заедет. — Продолжаю свои наблюдения. — Жила одна. Недавно начался остеохондроз. Полотенца поблизости не найдется?

— Откуда знаете?! — удивляется Мануэла и семенит к окошку своей будки консьержки за полотенцем.

— Детективы давно пишу. Наблюдать научилась, — отвечаю, пытаюсь хоть как-то отжать края шорт и футболки.

Мануэле мои детективы ничего не объясняют. Возвращается с полотенцем в руках, в таком же недоумении, как прежде.

Приходится объяснять:

— Платье на ней коктейльное, не дешевое. Шпильки. Ближайшие заведения, как я успела заметить по дороге сюда, недоogie, в таком платье, еще и с бархоткой с органзой, в них не пойдешь, *overdressed* получится, и на таких каблуках пешком не доцокаешь. Арендованных машин на стоянке, кроме моей, нет. Если вы говорите, что она только-только приехала из Америки, то вряд ли успела купить машину, а в аренду не брала. Значит, доехала на такси и ждала, что за ней кто-то заедет и повезет в более пафосное место. Винтажная бархотка на шею — явно не на рядовую встречу собиралась.

Вытираю протянутым Мануэлой полотенцем руки, подбираю свой телефон с края бассейна, подхожу ближе, делаю несколько фото на всякий случай.

— А остеохондроз? И что жила одна? — хлопает глазами консьержка, не понимая, как такие выводы можно сделать от одного вида спины.

— Платье с молнией сзади. Всегда застегивала молнию сама, некого было попросить, привыкла. Но сейчас до конца не застегнула. Видите, верхний край молнии болтается — рука не дотянулась.левой снизу протянула язычок застежки сколько могла, дальше нужно было сверху перехватить правой рукой и застегнуть до конца, но правая не дотянулась. Вывод — или рука повреждена, но ни повязок, ни следов на руке не видно, или, что скорее, остеохондроз. Началось это недавно, иначе она бы придумала, как застегивать, или перестала покупать вещи с такими молниями сзади. А так как раньше справлялась, не заметила, что не дотянула до конца, а посмотреть на нее и помочь было некому — значит, была одна.

— Точно, она одна должна была приехать. Отца позже ждала, завтра-послезавтра, — подтверждает Мануэла.

Но я уже не слышу консьержку. Увеличив фото на телефоне, невольно машу головой — быть такого не может!

Пробую еще увеличить, не получается. И, едва успев отжать на себе одежду, снова иду к лестнице, оставляю телефон, спускаюсь в бассейн. Подплываю к мертвой женщине с другой стороны в попытке ближе рассмотреть ее руку.

И едва не захлебываюсь. Глотаю воду, судорожно гребу руками, чтобы удержаться на поверхности. Вы-

плываю на мелкую часть. Откашливаюсь. Поворачиваюсь снова, не в силах поверить своим глазам.

Так не бывает.

На правой руке у мертвой женщины кольцо. Старинное. С особой вязью и кроваво-красным камнем.

Кольцо, которое я видела много лет назад.

На женщине из моего далекого прошлого.

— Говорите, она американка? — спрашиваю Мануэлу, снова выходя из бассейна.

Консьержка часто-часто кивает.

— По телефону она сказала, что из Америки должна прилететь.

На непонятном никому здесь русском бормочу:

— Так не бывает!

Уже отовсюду бегут люди. Кричат! На всех языках. Требуют немедленно достать несчастную из воды и откачивать.

Пытаюсь остановить соседей погибшей, сказать, что женщина мертва и трогать тело нельзя, нужно все оставить как есть до приезда полиции. Но слушать меня не хотят.

Красивый подтянутый мужчина, по виду слегка за сорок, прыгает в воду, подталкивает тело к бортику, где его принимает старичок с кривоватым носом, похожий на постаревшего мистера Бина. Около бортика суетятся дама в годах с внушительным бюстом, едва прикрытым намокающим парео, и темнокожая женщина моих лет.

Пожилой мужчина с отличной, скорее, армейской выправкой на хорошем британском английском говорит, что откачивать бесполезно. Но его не слушают, как и меня.

Тело переворачивают. Стараюсь не смотреть, но все же не могу отвести взгляда от некогда знакомого, разумеется, постаревшего за столько лет лица. Интересно, я так же постарела? И если бы это она увидела меня, то первым делом тоже подумала бы, что годы никого не щадят?

Дама с внушительным бюстом неуклюже и суетливо пытается делать искусственное дыхание рот в рот, но собственный бюст не дает ей дотянуться до рта потерпевшей. «Мистер Бин», похоже, говорит ей на португальском, что это бесполезно,

но дама машет руками, отгоняя его и темнокожую женщину, мол, не мешайте. Выбравшийся из бассейна

12 красивый мужчина отодвигает даму в парео, начинает

делать искусственное дыхание сам, командуя, чтобы теперь уже темнокожая дама делала массаж сердца в такт с ним.

— Um — Dois — Très! Um — Dois — Très! Um — Dois...

Еще через несколько минут все же обреченно разводят руками. Все мокрые, все растерянные.

А я все это время, как зависшая на ноутбуке программа, смотрю на кольцо с кроваво-красным камнем на руке мертвой, не в силах пошевелиться. И поверить, что Так Бывает.

Что это она.

Женщина, которая сломала мне жизнь.

Morta.

ДВЕНАДЦАТЬ МИНУТ

28 июля 1966 года

Двенадцать минут до конца основного времени.

Челка прилипла ко лбу. И тошнота подошла к горлу. В такой-то духоте.

— Белая как смерть! — Второй режиссер повернулся в ее сторону. Странно, что ее кто-то сейчас заметил. — Еще двенадцать минут. Шансы есть!

— Конечно есть. Мутит меня как-то.

— Нервы. Какой день подряд без обеда. Кофе, кофе, сигареты, кофе.

В аппаратную набились все, кто только может. Разгоряченные, мокрые, потные, почти как парни на поле. Взглядами, молитвами и криками завораживая мониторы, на которые идет прямой сигнал из Лондона.

— *Двенадцать минут до конца основного времени исторического матча, первого в истории нашей национальной сборной матча за медали чемпионата мира по футболу. Наши парни уже сделали невозможное, во что до начала чемпионата не верил никто, — дошли до полуфинала! И вот теперь бьются за бронзовые медали!*

Вновь и вновь повторяет комментатор. И то же самое одними губами повторяет ее муж, дежурящий здесь, в студии, на случай обрыва связи с Уэмбли.

— *Сборная Португалии — сборная Советского Союза. Счет по-прежнему один — один. Эйсебио на двенадцатой минуте с пенальти открыл счет... один — ноль.*

Можно подумать, кто-то сейчас этого не знает!

— *Эдуард Малофеев на сорок второй минуте сравнял... Двенадцать минут. Двенадцать минут!*

Будто в целой стране сейчас найдется человек, который не знает, какой счет и сколько минут осталось.

Даже мама, которой она звонила незадолго до перерыва спросить, уснули ли малышки, бросила трубку, закричав, что «нам чуть не забили». Называется, купили маме телевизор, чтобы на зятя смотрела и меньше на него ругалась!

Страна с восхитительным наслаждением сходит с ума.

Она и сама окунулась бы в это волшебное помешательство, если бы от духоты ее так не мутило. И если хоть кто-то, кроме нее, в этой насквозь прокуренной аппаратной мог бы трезво соображать, то понял бы, что после этих двенадцати минут, нет, уже одиннадцати минут, им придется выйти в эфир. И кроме футбола не забыть про ситуацию в Анголе и про заявление, только что переданное «сверху». И что этот выпуск новостей нужно готовить прямо сейчас. В духоте, тошноте и помешательстве.

Мужу придется что-то говорить в прямом эфире, а не просто кричать «Гооооо!». И текст для этого выпуска должен кто-то написать, потом показать такому же сходящему с ума главному редактору, завизировать у службиста, в котором и то проснулись человеческие реакции — и он прибежал из своего дальнего кабинета в аппаратную вместе со всеми смотреть трансляцию. Пиджак снял, но его толстый синий карандаш для вычеркивания недопустимого торчит из нагрудного кармана прилипшей — как у всех — от пота рубашки, того и гляди начнет на рубашке оставлять визы: «Сократить! Убрать! Не позволять!»

Хорошо еще, что никуда не придется бежать с текстом, все здесь! А еще бы переписать текст на большие листы бумаги, чтобы потом стоять за камерой и держать эти листы, муж в таком состоянии точно не сможет читать по эфирной папке. Но на переписывание времени нет, написать бы и завизировать успеть!

Секундомер бежит.

Десять минут.

Тошнота волнами, как атаки на наши ворота. Вся надежда на дополнительное время. Но перед дополнительным временем будет перерыв, и новости должны выйти в эфир через эти несколько минут. И это могут быть три совершенно разных выпуска. Но все три — и победный, и траурный, и нейтральный — должны быть готовы за эти десять минут.

Что мужу придется сегодня выходить в эфир одному, без партнерши, стало понятно еще до начала матча, когда главный редактор выгнал из студии их главную телезвезду. Мужу до ее популярности еще жить и жить, но

сегодня главный ее выгнал. Увидел, с какими капризами их великая звезда выбирает наряд.

В капризах звезды перед эфиром не было ничего особенного. Вешалки с одеждой, летающие по гримерке и по студии, крики на парикмахершу и костюмершу — не то принесли, не так причесали, — все как обычно.

— В белом выйду, если выиграем, в красном — если проиграем, по телевизору будет смотреться вполне траурно...

И нельзя сказать, чтобы звезда была не права. Полтора часа назад перед матчем на мониторах прямой трансляции уже шла картинка разминки с Уэмбли, и красная форма советской сборной, конечно, казалась черной. И только на одном ближнем к ней небольшом экране тестового цветного вещания черное превращалось в алое, пульсировало и било по глазам, добавляя головокружения.

Кажется, их звезда была единственной в целой стране, кого ее внешний вид интересовал больше, чем исход матча. Но главный редактор, обычно боящийся лишнее слово звезде сказать, в этот раз на нее заорал:

— Ты не в кадре! Только не сегодня!

И, глядя на изумленно открытый рот звезды, из которого еще не успел вырваться визг, быстро пробормотал:

— Женщина на корабле к беде! Закон мореплавателей. На футболе тем более! Только не сегодня.

И исчез. Визги звезды, обычно слышные всем, на этот раз достались одной костюмерше, оставляющей следы красной помады на выкуренных едва ли наполовину сигаретах. Не до звезды всем сегодня.

— *Девять минут до конца основного времени, если главный арбитр англичанин Кен Дагналл не добавит еще несколько минут...*

Стук ее пишущей машинки в таком шуме не слышит никто. Текст на победу. Нейтральный текст для перерыва перед дополнительным временем. Текст на поражение. Она одна сейчас соображает, что на поражение тоже нужен текст?! Как он был нужен два дня назад, когда они проиграли в полуфинале, сам выход в который страна воспринимала как чудо.

— *Эйсебио! Невероятный Эйсебио, имеющий все шансы стать лучшим бомбардиром этого чемпионата, рвется к воротам сборной Советского Союза, но Лев Яшин блистательно играет на выходе. И немедленно возвращает мяч в игру...*

«Исторический матч национальной сборной, Команды нашего сердца!» — печатает она. Проиграют они или выиграют, они уже команда нашего сердца.

На экране монитора болельщики на трибуне Уэмбли. Толпы орущих британцев, хотя им-то что орать, они уже в финале. Наших почти не видно, откуда им там быть, в Лондоне. Хотя комментатор говорит про такую важную для команды поддержку наших болельщиков, пусть их так немного на трибунах.

— И этот там?! — подает голос службист. Кто это нашего соглядатая так удивил?!

Поднимает голову. На экране крупным планом болельщик с нашим флагом в левой руке, а на указательном пальце нет одной фаланги. Кричит, нет, орет так, что вены на шее вздулись. Щека расцарапана. И глаза сумасшедшие. А кто в эту минуту нормален!

Рядом с ним еще один наш болельщик. Помельче, тоже с флагом. Но этот нормальный даже слишком для такого матча. Ничего не выражающий взгляд. Как амeba, которую в школе изучали.

В диком шуме в аппаратной кто-то еще умудряется услышать телефонный звонок. Директора и здесь нашли. Но никто вокруг даже и не думает почтительно умолкнуть, пока начальник разговаривает с кем-то очень важным — с неважным секретарь бы не соединила, директора во время такого матча беспокоить не стала. Да и сам директор у аппарата вытягивается по струнке. Тараторит. Мешает ей печатать и следить за матчем одновременно.

— Нет... Нет... Не мы. Международная трансляция... Сигнал формирует съемочная бригада ФИФА. Мы только получаем отдельно картинку, отдельно звуковую дорожку от нашего комментатора. Есть не акцентировать внимание! Слушаю! Слушаю! Будет сделано!

За двадцать секунд разговора рубашку директора можно выжимать. Прилипла к спине.

— Канал связи с нашим комментатором у кого?! Передайте, не акцентировать внимание на наших болельщиках! Категорически!

Уже и за болельщиков директору досталось?! С болельщиками-то что не так?! Поддерживают как могут.

Восемь минут.

Два дня назад за такие же восемь минут после забитого пенальти родилась надежда! Еще чуть, и сравняют,

а там дополнительное время, серия пенальти и... Позавчера секунда за секундой надежда таяла. Мужчины в аппаратной, почти забывшие про кофе и сигареты, на глазах серели. И зверели.

— Кретинка! — Муж швырнул протянутые ему страницы текста для эфира, который она писала, пока все только «болели». С трудом в этом дыму дышала, боролась с горечью в горле от тошноты и горечью от подступавшего поражения, но печатала текст для эфирной папки. — Чтобы я читал это?! Мы проиграли! Дура!

Что возьмешь с мужчины, когда сборная страны потеряла шанс на, возможно, единственный в его жизни Финал Чемпионата Мира, а ему сразу после этого надо выходить в эфир и что-то говорить всей стране.

Но вышел же. Несчастный. Красивый. Прочел все, что она написала. Многие сочли, что это было достойно. И только мама конечно же сказала, что от такого зятя одни несчастья!

— Витает, как коршун над бедой.

Она сейчас одна женщина в аппаратной, полной мужчин. Похоже, за женщину ее здесь никто не считает, звезду выгнали, а ее не заметили. Сочувствуют мужу — такой популярный, зрительницы сходят с ума, под дверями телецентра дежурят, мог бы и получше себе кого-то найти, чем это безликое, плохо одетое, растрепанное существо. Или она себе все придумывает?

Пять минут.

* * *

— Не наши прокололись. Сигнал идет из Лондона, формируют организаторы. Они просто болельщика показали, безо всякой задней мысли.

За пять минут до конца матча человек в штатском кладет трубку, поворачивается к старшему коллеге, который маятником раскачивается около телевизора.

В здании одной из самых пугающих и закрытых спецслужб мира сегодня тоже смотрят футбол. Но профессиональной хватки не теряют.

— Просто болельщика?! Показали?! С ума все походили?!

Человек-маятник пятерней треплет волосы, частички перхоти падают на ворот рубашки, пиджак он давно снял.

— Как он на стадион попал?! Куда же ты бьешь, мазила!!! Он когда о выполнении доложил?